Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 110–119.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 110–119.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

Деятельность советской власти в Валуйском уезде в январе – июне 1918 г.

Николай Алексеевич Заяц
Московский авиационный институт, Москва, Россия, nikza91@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует становление советской власти в Валуйском уезде в 1918 г., раскрывая противоречия между революционными преобразованиями и реалиями приграничного региона. На основе архивных документов (протоколы Советов, мемуары) показано, как местные органы власти, опираясь на солдат-фронтовиков, пытались проводить земельную реформу и национализацию, одновременно борясь с дезорганизацией от проходящих красноармейских частей и готовясь к немецкому наступлению. Особое внимание уделено переходу от административных к чрезвычайным методам управления весной 1918 г. Новизна исследования – в демонстрации "двойной угрозы" (внешней и внутренней), ограничившей эффективность Совета. Впервые детально прослежена эволюция местной власти от реформаторских инициатив к военно-мобилизационным практикам, что вносит вклад в понимание особенностей ранней советизации в пограничных районах.
Ключевые слова: *Воронежская губерния, Валуйки, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, большевики, левые эсеры, германская интервенция*
Для цитирования: Заяц Н. А. Деятельность советской власти в Валуйском уезде в январе – июне 1918 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 110–119.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

The Activities of Soviet Authorities in Valuysky Uyezd, January–June 1918

Nikolai A. Zayats
Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia, e-mail: nikza91@yandex.ru

Abstract. This article examines the establishment of Soviet power in Valuysky Uyezd in 1918, revealing the contradictions between revolutionary reforms and the realities of a borderland region. Drawing on archival documents (Soviet meeting minutes, memoirs), it demonstrates how local authorities, relying on demobilized soldiers, attempted to implement land reform and nationalization while simultaneously combating disorganization from passing Red Army units and preparing for the German advance. Particular attention is paid to the shift from administrative to emergency governance methods in spring 1918. The study's novelty lies in demonstrating the "dual threat" (external and internal) that constrained the Soviet›s effectiveness. For the first time, it meticulously traces the local government›s evolution from reformist initiatives to military-mobilization practices, contributing to our understanding of early Sovietization patterns in frontline regions.
Keywords: *Voronezh province, Valuyki, Soviets of workers', soldiers' and peasants' deputies, Bolsheviks, Left Socialist Revolutionaries, German intervention*
For citation: Zayats N.A. The Activities of Soviet Authorities in Valuysky Uyezd, January–June 1918 // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 110–119. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/110-119

Введение

Изучение крупных социально-политических событий на микроуровне – популярная тема современной историографии. К числу таких тем относится изучение революции и Гражданской войны на региональном и локальном уровнях. Так, ещё с советских времён заметная литература посвящена изучению становления советской власти в Воронежской губернии в 1917–1918 гг. **[1; 5; 7; 11]**. Однако в историографии сохраняются существенные лакуны. Среди прочего это касается Валуйского уезда. Уездный город Валуйки занимал пограничное положение между Воронежской губернией и нынешней Украиной. Промышленность города была развита слабо, носила преимущественно кустарный характер и была представлена мельницами, маслозаводами и мастерскими. Большинство населения уезда составляли крестьяне. Большую роль играли помещичье землевладение и торговля **[10, с. 198, 245]**. Из-за отдалённости и провинциальности уезда от Воронежа он не привлекал большого внимания. Информация о смене в нём власти в исторической литературе очень скудна. Он не удостаивался отдельного исследования, и деятельность его Совета освещалась лишь в общем контексте, без погружения в локальные особенности и даже с ошибками **[11, с. 44–45]**. Между тем Валуйский уезд представляет специфический случай в процессе советизации: находившийся под влиянием эсеров (здесь даже проводился антибольшевистский съезд), он являлся и пограничной территорией с Украиной, где значительную часть населения составляли украиноязычные крестьяне. Весной 1918 г. эта двойная

© Заяц Н. А., 2026

специфика проявилась особенно ярко, когда уезд стал ареной боевых действий с немецкими интервентами, использовавшими лозунг освобождения Украины для продвижения на восток.

В связи с этим цель статьи – проанализировать процесс установления и деятельность первого Валуйского Совета в условиях социально-политической нестабильности начала 1918 г. Исследование использует источниковедческий анализ протоколов Валуйского Совета, подвергнутых контент-анализу для выявления частоты упоминания ключевых проблем (земля, продовольствие, безопасность). Важную роль сыграли и мемуарные источники бывшего партийного архива Воронежской области, которые позволили заполнить лакуны официальных протоколов. Особенно это важно для периода апреля-мая 1918 г., за который протоколы Совета полностью отсутствуют. Однако использование мемуаров потребовало критического анализа: выявленные расхождения проверялись путём сопоставления мемуарных свидетельств с архивными документами. Это позволило выработать непротиворечивую версию, где мемуары выступают как источник для воссоздания контекста событий. Микроисторический подход к изучению ключевых акторов также был дополнен институциональным анализом структур власти. Новизна исследования заключается в реконструкции малоизученного механизма адаптации местного советского аппарата к особенностям сельского уезда в 1918 г. и военной обстановке в условиях немецкой интервенции.

Совет рабочих и солдатских депутатов появился в г. Валуйки вскоре после Февральской революции. Параллельно появились местные большевики. Так, на первую конференцию большевиков в Воронеже 6–8 октября 1917 г. прибыли делегаты, огласившие, что в Валуйках их насчитывается 80 человек **[1, с. 176]**. Влияние их в городе было слабым – в основном доминировали эсеры. Лишь в конце 1917 г. наметилось улучшение – председателем Совета стал лидер большевиков от рабочих маслозавода И. Г. Замаренов.

Однако валуйские большевики оказались слишком слабыми для взятия власти, которая удерживалась местным уездным комиссаром Временного правительства Кузнецовым и земской управой под управлением Г. С. Лордкипанидзе. Опирались они на военные части и земскую милицию, а до созыва Учредительного собрания создали Комитет спасения родины и революции **[4, с. 3; 6, с. 202]**. Благодаря относительной крепости местной власти воронежские эсеры провели здесь 28 декабря 1917 г. – 1 января 1918 г. губернский крестьянский съезд в поддержку Учредительного собрания **[5, с. 153; 7, с. 7; 11, с. 44–45]**. Движение сопротивления против старой власти возглавили прибывшие с фронта пробольшевистские солдаты-фронтовики. Делегат II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, эсер-максималист А. Ф. Авилов после прибытия на родину организовал группу солдат, которая пыталась выступить на съезде в поддержку фронтовиков, а потом – захватить в городе оружие и взять власть. Попытка окончилась неудачей – солдаты были разогнаны властями с помощью вооружённой силы. Однако солдаты стали агитировать односельчан в своих деревнях, создавать советы на местах и после проведённой работы составили новый вооружённый отряд. В начале января он вошёл в город, завладел арсеналом военной команды и взял Валуйки **(РГАСПИ[1]. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 397. Л. 4–6)**. Свержение власти прошло без сопротивления – лидеры города бежали, солдаты были быстро разагитированы и перешли на сторону новой власти **[9, с. 52]**.

Были созданы временный ревком и бюро по созыву крестьянского съезда. От имени бюро на места разъехались солдаты. Благодаря их работе примерно 25–27 января 1918 г. прошёл уездный "съезд крестьянской бедноты", на котором было около 300 делегатов, из них не менее половины – солдаты. На нем торжественно был выбран "Совет крестьянских депутатов", влитый в уже существующий в Валуйках Совет рабочих и солдатских депутатов **[11, с. 45]**. Состоял совет, похоже, из примерно 25–50 человек, исполком – примерно из 13. **(ГАОПИВО[2] Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 28)**. Первым его председателем стал студент Т. В. Рындин, его заместителем – А. Ф. Авилов, секретарём – Крикун. Так совет взял власть в уезде.

---

[1] РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории России.

[2] ГАОПИВО – Государственный архив политической истории Воронежской области.

Совет энергично начал свои преобразования. Главным его направлением стала продовольственная политика. 26 января Совет распустил продовольственную управу – вместо неё была создана продовольственная комиссия из семи человек, которая распределяла хлеб через кооперативы. Учёт хлеба на местах возлагался на волостные советы, которым было указано взять под контроль продовольственное дело и бороться со спекуляцией. На следующий день любой вывоз хлеба из уезда был запрещён до организации новых продорганов **(ГАРФ[3]. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 189–190)**. Были взяты на учёт ключевые товары уезда, в том числе мука, сельдь, кожи, масло и др. По протоколам хорошо видно, что распределение товаров проводилось Советом через прежний торговый аппарат: местные кооперативы, потребительские и акционерные общества. Так, 1 марта исполком постановил мыло с завода торгово-промышленного союза не продавать по вольным ценам, а передавать для продажи союзу потребительских лавок. 25 марта было даже решено разделить город на пяти участков с потребительской лавкой в каждом, для чего занимались в первую очередь здания частных магазинов. Некоторая часть товаров (чай, галоши и т. д.) доставалась в Воронеже **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193 об., 202 об.)**.

Другим важным направлением была земельная политика. Избранные по уезду советы реализовали "Декрет о земле": разделили помещичьи имения, инвентарь и излишки зерна, начали перераспределение земли **(РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 397. Л. 5)**. Наиболее крупные имения были национализированы для создания там культурных хозяйств. 4 февраля по этому поводу было решено провести у помещиков обыски, чтобы они не вывезли из своих экономий инвентарь **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 256)**. Вместо земельной управы была создана земельная комиссия из пяти членов, ставшая потом земельным отделом. Началось создание волостных земотделов, законченное, как показал следующий съезд, к 9 марта 1918 г. **[1, с. 241]**. Кроме того, исполком решал массу мелких текущих дел по снабжению жён солдат, распределению демобилизованного имущества, ревизиям и утверждению разных постановлений и т. д. Положение исполкома укреплялось. 5 февраля исполком предписал всем местным советам уезда проводить его постановления в жизнь, не считаясь с сопротивлением **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 257)**.

В феврале 1918 г. исполком завершил организационное оформление, создав специализированные отделы, что позволило систематизировать управление уездом. По протоколам можно выявить продовольственный, хозяйственный, земельный и военный отделы. 1 марта Совет выделил для их усиления ещё пять человек **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 192)**. Параллельно продолжало существовать и уездное земство, куда для контроля Совет назначил комиссара Г. Н. Полухина. Судя по протоколам Совета, земство фактически подчинилось во всем новой власти. Лордкипанидзе на заседаниях при отчётах фактически передал ему дела. 4 февраля в земскую управу была послана ревизионная комиссия, а исполком предписал всем служащим, которых она "находит ненужными", очистить помещение "в 24 часа" **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 255–256)**. В ответ земство в конце февраля попыталось сослаться на свой общевыборный характер и запросило отчёт исполкома о работе. Демарш не удался и стал поводом для его роспуска **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 3)**. 5 марта 1918 г. в Воронеж пришла телеграмма, что управление земством приняла коллегия из 10 человек **(ГАВО[4]. Ф. 10. Оп. 1. Д. 35. Л. 151)**. Из протоколов исполкома можно понять, что она состояла из комиссаров по финансам, медицине, народным училищам и т. д. Таким образом, часть прежних отделов были коллегиального состава, и отделы наименовались "коллегиями", часть – состояла только из заведующих. В итоге 25 марта исполком постановил заведующих коллегиальными отделами называть "председателями", а единоличных – "комиссарами". При этом исполком потребовал от всех заведующих отделами проводить исключительно его политику и пообещал наказывать за единоличные действия **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 202 об.)**.

---

[3] ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

[4] ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

Сложным был вопрос о юридической защите власти. Некоторое время Совет сохранял работу прежнего мирового судьи **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 190).** Милиция перешла в ведение комиссара исполкома. В феврале был создан и новый орган: судебно-следственная комиссия для борьбы с общеуголовными преступлениями и антисоветской агитацией **[2, с. 165, 274]**. Также комиссия разрабатывала план штрафов за карточную игру, самогоноварение и содержание публичных домов. Виновных она арестовывала сама, но передавала материалы для осуждения военно-революционному трибуналу. 29 марта порядки были смягчены: трибуналу, явно в рамках подготовки его роспуска, было приказано начать создание на местах Народных судов. При проведении реквизиций часто были инциденты и нарушения, поэтому исполкому приходилось обращать на это внимание. В феврале он отметил, что реквизиции должны проходить "в полном контакте" с реквизиционным отрядом, подчиняющимся исполкому, и представителем наркомпрода. Решено было создать особую реквизиционную комиссию, которая разработала бы инструкции по реквизиции. Комиссия была выбрана 14 марта: в неё вошли представители милиции, исполкома и судебно-следственной комиссии. Одновременно после инспекции Авиловым уездной тюрьмы на судебно-следственную комиссию было возложено задание проверить и освободить лиц, арестованных ещё старой властью **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191, 205 об., 255 об.)**. В целом видно, что деятельность в этом направлении шла в духе центральных декретов, но со значительной долей местной импровизации.

Крайне острой проблемой Совета оставалось почти полное отсутствие средств. При ревизии в начале февраля земской кассы оказалось, что она абсолютно пуста. 4 февраля исполком решил занять полтора миллиона рублей в кассе мелкого кредита **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 256)**. Однако этого надолго хватить не могло. Тогда Совет пошёл на единственный возможный путь – жёстко провёл принудительную контрибуцию, собрав с имущих классов до 5 млн руб. **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 610. Л. 5).** Как предусматривало решение исполкома от 1 марта, в случае неисполнения этого требования, виновные "в 24 часа" подвергались "военно-полевому суду" **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 189)**. Так, на Валуйский монастырь было наложено 800 тыс. руб., игумен о. Игнатий был арестован за отказ платить **[3, с. 3]**. Кроме того, исполком постоянно проводил у имущих классов реквизиции денег и имущества, в том числе золота и серебра. В марте исполком проводил работу в этом отношении уже более планомерно, по инструкциям финансовых органов Воронежа. Так, 14 марта исполком назначил специальную комиссию из бухгалтеров, членов хозяйственного отдела и податного инспектора для выработки новой системы налогообложения. А 25 марта было решено создать комиссию по прогрессивному налогу. До установления налогообложения реквизиции продолжались; их проведение было сосредоточено в хозяйственном отделе **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193, 202 об.)**.

Совет также занимался множеством мелких дел. Он провёл ревизию местного попечительства для планомерной выдачи пайков жёнам мобилизованных солдат, установил твёрдые цены на лес для колёсной мастерской, проверял сметы, устанавливал жалованье и т. д. **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 189–190)**. Под его контроль встали прежние общественные заведения уезда: училища, школы, больницы, приюты, Народный дом и пр. Были национализированы крупные предприятия и торговые заведения – например, крупный маслозавод Добычина, материал для которого реквизировался в бывших имениях.

Начались создание профсоюзов и национализация предприятий, особенно маслобойных и мельничных, которым часто передавалось реквизированное имущество прежних управ **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 2)**. Для устройства безработных были учреждены отдел труда и Бюро труда, в которое 18 марта кооптировали "сведущих лиц" **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 195)**. В этом отношении Совету стала мешать "подозрительная" организация – трудовой союз солдат-безработных. Замаренов вспоминал: "Знаменитый в то время солдатский трудовой союз являлся клубом для контрреволюционеров" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 9)**. В то время борьба Советов и союзов бывших солдат, которые держали себя весьма независимо и требовали привилегий, была частой – вплоть до вооружённого противостояния. Поэтому 15

марта исполком постановил взять под контроль кассу "союза", посылать на его заседания делегатов от профсоюзов и "никаким союзам" без его разрешения собраний не допускать. На это солдатский "союз" ответил постановлением о самостоятельной работе, что дало повод власти счесть его "политически неблагонадежным". Угроза подействовала, и 22 марта "союз" согласился ввести представителей в Бюро труда **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 197–199)**. В итоге насколько можно понять, "союз" просуществовал до самой немецкой оккупации, при которой превратился в обычное потребительское общество. Сходное отношение было с местным "обществом потребителей", чей устав исполком 22 марта предложил "выработать на демократических началах". А вот устав "Союза военноувечных" был утверждён без вопросов **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 194–196).**

Такие инциденты показывали, что новой власти требовалась вооружённая опора. 15 февраля Совет запросил у Воронежа "для защиты" полторы сотни солдат **(ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 287. Л. 2)**. В Валуйки был командирован отряд в 90 красногвардейцев. Но так как молодые рабочие плохо умели обращаться с оружием, их поставили на выкачку зерна из имений и сторожевую службу **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 6–7)**. Вскоре при совете были созданы для охраны отряд из 40 кавалеристов и рота пехоты **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 3)**. На местах при советах тоже создавались свои добровольческие отряды. Для этого из Москвы были получены 800 винтовок, патроны, два пулемёта **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 610. Л. 6)**. С демобилизацией старой армии управление воинского начальника было переформировано в "учётный отдел", занимавшийся её имуществом, а военные функции проводил военный отдел. После 2-го съезда на базе последнего был создан военный комиссариат, проводивший набор добровольцев в Красную армию. Для этого уезд был разделён по районам, где формирование вели эмиссары исполкома – Авилов, Бузунов, Калашников, Крюков и др. Так, Н. П. Крюков в Большелипяговской волости набрал 132 красногвардейца **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 10)**. В итоге уже 3 марта в Воронеж из Валуек было успешно отправлено 3 роты красногвардейцев **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 7)**. Судя по протоколам исполкома, комиссариат носил название "революционный Штаб Красной Армии" и вначале заведовал им бывший солдат И. В. Фугель, назначенный 22 марта выработать инструкцию по формированию отрядов. Снабжения из Воронежа при этом штаб почти не получал, и местные красногвардейцы были плохо обмундированы и вооружены. Понятно, что в таких отрядах дисциплина была не на высоте, встречалось дезертирство и своевольство – поэтому исполком лично разбирал такие инциденты. 25 марта "революционный штаб" был окончательно утверждён в составе председателя, заместителя, заведующего хозяйством, секретаря, делопроизводителя и организатора с помощником **(**ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100**. Л. 198** об).

8 марта прошёл 2-й уездный съезд Советов под председательством Авилова при заместителе Т. В. Рындине, на который прибыло 65 человек. Были выслушаны доклады отделов. Съезд нашёл работу продотдела "доброжелательной, но замедлительной" и усилил его состав своими делегатами. То же было сделано и с земельным отделом. Для усиления земельного передела в Воронеж был послан Рындин, а на 18 марта намечен съезд делегатов с мест и земельного отдела. Комиссии по народному образованию указано было создать по инструкциям центра уездный совет по образованию. Был пополнен исполком, и решены мелкие текущие дела **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 179–180)**. Также из протоколов можно понять, после этого председателем Совета вновь стал Авилов, а его заместителем – Василий Шевченко, проводивший почти все заседания исполкома. Авилову исполком 14 марта дал "самые широкие полномочия" по проверке деятельности отделов. Он же подписывал документы при открытии счетов Совета в финансовых учреждениях **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193 об.)**. Похоже, именно он оставался главным лидером Совета.

В целом о деятельности Совета в этот период известно очень мало. Ещё меньше известно о партийном составе. По словам некоторых коммунистов, их организация оформилась лишь сразу после съезда **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 612. Л. 2)**. При этом коммунист А.Х. Рудофиленко вспоминал, что в первом составе исполкома большевиков не было, только сочувствующие, а первое со-

брание по созданию парторганизации прошло 1 марта 1918 г. Протокол создания уездного комитета был утверждён в Воронеже, который выслал в Валуйки партбилеты и печать **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 3)**. Похоже, первым председателем укома ожидаемо был "уездный комиссар" Замаренов. Однако на втором съезде он вступил в конфликт с исполкомом, и его сменил солдат Степан Матвеевич Толстой, видимо, в апреле ставший и председателем Совета. Кроме того, в партийных воспоминаниях упорно умалчивается, были ли в Совете представители других партий. Можно всё же предполагать, что, как в других южных уездах, там было много беспартийных и левых эсеров. По крайней мере, сам Рындин на втором губернском крестьянском съезде в феврале 1918 г. относил себя к левым эсерам **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 514. Л. 51)**.

В целом основные задачи решались Советом успешно и в русле общегубернских процессов **[11, с. 50–51]**. Но март для него стал куда более сложным временем. Вести о наступлении немецко-украинских войск ободрили местную контрреволюцию. Некий офицер Белогрудов, член штаба, сообщал о положении в Киеве. Местный помещик, прапорщик В. В. Рындин создал отряд, нападавший на красных. Проявила себя Украинская рада под управлением преподавателя Уразовского коммерческого училища, члена земства Г. В. Дахно. Ещё в ноябре-декабре 1917 г. рада старалась добиться от земства присоединения к Украине. Теперь она объявила это самовольно и пыталась призвать немцев, сообщив в Киев, будто большевики свергнуты. За это она была разогнана. Также усилились антисоветская агитация, бандитизм, самогоноварение, под действием призывов начались грабежи маслобоек населением, которые в апреле чуть не докатились до Валуек **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 2–3, 8–9)**. Большие сомнения вызывали массовые сборища в общественных местах, куда любили ходить бывшие офицеры.

Собственные ряды власти тоже не отличались дисциплиной. Так, на втором уездном съезде Замаренов пытался нападать на исполком за неэффективную работу. За это его сместили с должности комиссара уезда и заведующего Народным домом, оставив лишь рядовым членом Совета. 25 марта исполком, выслушав доклад о проверке старого состава ликвидированной Уразовской продуправы, постановил его арестовать и начать дело для наказания виновных. Уразовский волсовет, как созданный на неверных началах, был распущен и назначены новые перевыборы. Ещё неприятнее было поведение председателя Николаевского волсовета Кириченко, который рассылал по деревням воззвания, что Валуйский Совет якобы создан временно и его надо переизбрать. Кириченко было решено арестовать и отправить в Воронеж, а волсовет переформировать **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 195, 202–203 об.)**.

Ввиду "тревожного", по словам Совета, положения была ужесточена охрана. По примеру Воронежа 22 марта был сформирован военно-административный отдел исполкома. В него вошли два делегата Совета и один от красноармейцев. В ведение отдела поступила милиция, которую переформировали в "летучий отряд" из тридцати человек. Отдел боролся с общеуголовными преступлениями, а на "революционный штаб" возлагались "функции прежней контрразведки", а точнее, борьба с контрреволюцией. На следующий день расширенное собрание исполкома постановило арестовывать всех, ведущих агитацию против советской власти. Было также решено немедленно провести обыски у Народного дома и мужской гимназии для изъятия оружия, для чего командировано четыре человека и двадцать красноармейцев. Другие члены исполкома с красноармейцами проводили обыски в частных домах, для чего город был разбит на районы. 29 марта решено было закрыть телефонную связь. Телефоны оставались в распоряжении только председателя и секретаря совета, заведующего хозотделом и главы ревштаба. На центральной телефонной станции установлено дежурство красноармейцев для слежки за переговорами **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 200–201, 206)**.

Кроме того, было усилено обложение буржуазии "самым беспощадным налогом". Для этого 26 марта в волости направлялись члены исполкома с "внушительным экспедиционно-карательным отрядом". Военной силой проходили реквизиции и в Валуйках с пригородами. Так, в Уразово было решено направить комиссию во главе с Авиловым и отрядом в сто чел. **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 191–193, 202 об., 204 об.)**. В ожидании возможной присылки войск из Киева была усилена комендантская команда при станции Валуйки

(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 9). Опасаясь вторжения, исполком решил 29 марта запросить военные власти Воронежа оставить часть мобилизованных в уезде **(ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100. Л. 206 об.)**.

Опасения оправдались. Немцы шли быстро и уже 12 апреля заняли Купянск и пошли на Сватово. Через день-два в Валуйки пришли отступившие с Украины эшелоны пятой (вскоре переименованной в "вторую особую") "армии" Р.Ф. Сиверса, числом всего в несколько тысяч человек. Это тут же нарушило всю работу исполкома. Разложившиеся части не желали воевать и отличались своевольством и грабежами. Особенно этим отметился отряд М.М. Сахарова в 100–200 чел. Сведений о его безобразиях сохранилось очень много. Он регулярно грабил местных крестьян, собирал самовольные "контрибуции", отнимал лошадей, скот, деньги и т. д. Сахаров отбирал даже оружие исполкома для местных отрядов. В его эшелоне были женщины и цистерны спирта, процветали пьянство и проституция **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 11; Д. 608. Л. 3; Д. 609. Л. 40)**. Все же некоторые добровольцы стали поступать в армию Сиверса. И хотя исполком предлагал самостоятельно создать два полка пехоты и эскадрон кавалерии, если ему дадут оружие, на это Сиверс не пошёл. Его штаб при этом писал командованию явную ложь, что якобы сам вооружал местных крестьян и местные власти предлагают тысячи добровольцев. На самом деле силы Сиверса даже после небольших подкреплений из Острогожска не превышали 3 тыс. стрелков, 500 кавалеристов и 20 трёхдюймовок **[8, с. 43]**. Фактически же исполкому было предоставлено собирать отряды самому.

Тем временем к уезду подходили немцы. 7 мая их броневики совершили налёт на с. Тишанка и даже Уразово, но были отбиты **(ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 285. Л. 16)**. Причём разложившиеся партизаны Сиверса не оказывали им серьёзного сопротивления и даже не желали информировать город о боевой обстановке. Заволновавшись, исполком решил провести эвакуацию ценностей, оставив в городе "пятерку" руководящих работников – Авилова, Рудофиленко, Гребнева, Мирошника, Топчиева – и местный штаб Красной армии. Причём эвакуация больше напоминала бегство – были увезены деньги, но брошено многочисленное имущество, в том числе запасы масла и зерна, что оставило негативное впечатление. На следующий день в конторе завода Добычина по требованию его заведующего Замаренова собрался Валуйский уездный совет профсоюзов. В присутствии командиров армии Сиверса была вынесена резолюция, чтобы тот задержал и вернул эшелон "самовольников". О таком факте большинство мемуаристов, разумеется, предпочло не вспоминать **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 10)**.

Сам Сиверс выехал из города, однако им был оставлен вместо себя "диктатором" уезда командир отряда из с. Никитовка, некто Колганов (в воспоминаниях при этом постоянно искажается его фамилия – её писали, как "Колган" или "Коган"). По словам свидетеля: "Он даже нацепил на себя красную ленту, где так и было написано большими буквами: "Диктатор"" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 11)**. Судя по всему, Сиверс выбрал его как председателя "революционного штаба", который ещё 22 марта был назначен на этот пост исполкомом (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 100**. Л. 200)**. Теперь Колганов пошёл против вчерашних товарищей и арестовал "пятерку", часть членов которой вернулась в город – и выпустил приказ, чтобы все крестьяне оплатили недоимки по долгам в двадцать четыре часа, угрожая расстрелом. Начальником штаба и военным комендантом им был назначен бывший офицер, некто Живенко. Сам Колганов вёл себя преступно и отличился убийством крестьянина в с. Самарино **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 4; Д. 611. Л. 2** об.).

Конфликт был спущен на тормозах, причём сложным способом. По воспоминаниям, президиум исполкома ввёл в свой состав Колганова и на втором заседании постановил освободить Авилова, на что Колганов вынужден был согласиться. А уже на третьем заседании с подачи укома Колганова с поста командующего сняли и назначили Авилова **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 12)**. Авилов поэтому, несмотря на опасения его убийства, смог освободиться из тюрьмы и без ведома Сиверса увёз в Воронеж остатки денег. По словам К.В. Шальнева: "Тот телеграфирует о задержке, а Авилов уже был в Воронеже и сдал деньги…" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 29)**. Одновременно по приказу Сиверса из Валуек два дня энергично вывозили грузы, в том числе масло и зерно. По словам Замаренова, на двадцати мобилизованных ломовых подвод

было нагружено 3600 пудов масла. Ещё 18 000 пудов были взяты прибывшими немцами и отправлены в Германию **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 11)**. Впрочем, скорее всего, многое из "эвакуированного" осело в эшелонах, в которых позднее при разоружении обнаружилось самое разное имущество вплоть до награбленного домашнего скарба. Трудно сказать, когда были эти события – но, по скупым сведениям, эвакуация Совета была 16 апреля **[8, с. 42]**.

Вскоре с разложившимися партизанами произошёл ещё более резкий конфликт. Во время грабежей в с. Орехово "сахаровцы" были обстреляны конным отрядом. В завязавшейся перестрелке было убито четыре "сахаровца". За это их конный "отряд венгров" напал на заседание второго внеочередного съезда советов на втором этаже мужской гимназии, где как раз обсуждались грабежи, и разогнал его оружием. Участники разбежались, было и несколько раненых. Отряд после этого ушёл на станцию, где в эшелоне стоял штаб Сиверса. При разгоне он арестовал нескольких членов исполкома, включая Авилова, ряд других лиц некоторое время скрывались. Не доверяя местной власти, штаб на ночь выставлял посты. Правда, вскоре после жалоб исполкома и делегаций к Сиверсу арестованных освободили, и конфликт формально был исчерпан **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 4; Д. 607. Л. 12; Д. 611. Л. 2** об.). Было это, очевидно, в середине мая. Бюллетень иногороднего отдела Воронежского совета писал 29 мая (уже по новому стилю): "Произошли кровавые столкновения между реквизиционным отрядом из чехословаков и населением, чехословаки потеряли 8 убитыми. Возвратившись в Валуйки, отряд обстрелял уездный съезд кре[стьянских] де[пута]тов" **(ГАВО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 41. Л. 86)**. Нетрудно заметить, что события очень схожи. В этом деле наблюдается неясность – возможно, мемуаристы их в воспоминаниях путали между собой.

Тем временем немцы стали стягивать войска для взятия Валуек. Начались стычки в деревнях. Так, 20 мая в сл. Казинка ворвались, явно для разведки, два немецких броневика. В результате беспорядочного боя, в котором приняли участие отряд в 100–200 чел. и львиная доля жителей, один был отогнан, а второй подбит (пять человек команды убито, один взят в плен). У пленного офицера был найден план наступления на Валуйки **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 2об.) [8, с. 43]**.

Немцы претендовали на четыре южных уезда губернии, включая Валуйский, утверждая, что из-за преобладания украинского населения они считаются частью Украины. По этому поводу между Воронежем и германским командованием не раз шли переговоры. Воронежский Совет и ряд уездов категорически отказались присоединяться к Украине. 15 февраля, а потом 11 мая то же заявил и Валуйский Совет. Но для немцев это был всего лишь предлог для наступления. Вскоре они появились между Венделеевкой и Николаевкой, где после боя их продвижение было временно приостановлено, но уже на следующий день, 23 мая, Валуйки был немцами без сопротивления взят **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 607. Л. 12) [1, с. 451]**. Бывшие офицеры, включая Живенко, перешли на их сторону. Колганов вернулся в Никитовку, где надел погоны, пьянствовал и ждал прихода немцев. Вскоре он был задержан отрядом во главе с Авиловым, привезён в с. Палатовка и расстрелян **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 609. Л. 29** об.). За несколько дней до прихода немцев разложившаяся "армия" Сиверса откатилась по железной дороге на восток и к концу мая оказалась в Острогожске, где была разоружена и реорганизована. Её сменил на позициях только что сформированный в Воронеже первый Воронежский полк.

Валуйский Совет после отхода кочевал по разным селениям у железной дороги, нигде долго не задерживаясь – ст. Палатовка, с. Шипкино близ ст. Засимовка и т. д. Наконец он обустроился в сл. Ливенка смежного Алексеевского уезда, сдав уездному исполкому невоенное имущество. Здесь с середины мая он стал формировать красногвардейские части из добровольцев. В них недостатка не было – наступление немцев всколыхнуло крестьянство. Военком Воронежского района Иванов сообщал 19 мая в Воронеж: "Еду из Уразово, где осматривал позиции… Докладываю, что по всей пограничной полосе крестьяне вооружаются все, кто чем может, вплоть до вооружения вилами, и уже доказали о готовности защищаться… Крестьяне заявляют, что они [не] впустят немцев, даже если по договору Валуйский уезд отойдёт от Великороссии" **(ГАВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 22. Л. 107** об.). Формирование шло в Насоновской,

Никитовской, Большелипяговской и Малакеевской волостях, разделённых на районы. Собрано было около 3000 чел. **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 397. Л. 8)** Этот период мая – июня 1918 г. прошёл в постоянных боях и стычках в районах дд. Евстратовка, Малакеево, Долгое, Никитовка, Мандрово и др. Помогали валуйцам первый Воронежский полк и "1-й Волчанский боевой отряд" Сахарова, в который вошла часть валуйских добровольцев-украинцев – известно, например, что он оборонял Евстратовку.

Хотя этот период был коротким, но коммунисты его попытались использовать для своего укрепления. В конце мая, примерно через неделю после эвакуации, уком провёл реорганизацию и перевыборы. Его главой стал А. Х. Рудофиленко, секретарём – Хорев. Военком Карпик был сменён на Полухина. А. Ф. Авилов и И. Л. Рындин были назначены руководителями военных районов. Была создана ЧК, избраны новые главы отделов – так, Толстой возглавил уездный продовольственный комитет **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 608. Л. 6)**.

Несмотря на это, дисциплина в военных условиях ожидаемо была некрепкой, исполком и партия были организованы слабо и работали плохо. Более того – похоже, мемуаристы под уездной организацией партии нередко понимали вообще всех социалистов совета. Так, Л. Л. Федоренко писал, что "в мае 1918 г. был созван внеочередной съезд в связи с нашествием немцев… К этому времени уже наша партия состояла приблизительно из 100 чел., включая сюда меньшевистский, эсеровский, анархический и максималистические убеждения" **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 611. Л. 5)**. Замаренов вспоминал, что "часть партийцев определённо называли себя левыми эсерами", включая Авилова, Фоминова, Бузунова, Полухина, Сухиненко **(ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 604. Л. 13)**. Но из других данных ясно, что Авилов был эсером-максималистом, Бузунов до убийства Мирбаха – левым эсером, Полухин – большевиком, хотя и неустойчивым. Конечно, мемуаристы ошибаются, но видно, что на практике партийные различия среди валуйских революционеров были весьма размыты. Это нетипично даже для тех времен и объясняется, видимо, чрезвычайными обстоятельствами, нарушившими партийную работу.

16 июня в Харькове окончательно было подписано перемирие и установлена демаркационная линия. К концу июня бои в уезде стихли. Партизанские отряды были переформированы в части "южной завесы" на границе, большинство их направлено на другие фронты. Исполком переехал в с. Никитовка, где и остался надолго. Под его контролем теперь было, целиком и частично, семь волостей: Никитовская, Малакеевская, Краснянская, Николаевская, Александровская, Вейделевская и Большелипягинская. На этом и закончился первый этап работы Валуйского Совета, который, судя по протоколам, более планомерно смог восстановить свою работу только в августе и то после ряда энергичных собраний организации РКП(б). Фактический приоритет имели военные цели – большинство членов исполкома занимались организацией повстанческой борьбы на оккупированной территории и снабжением военных частей. Это приведёт к освобождению Валуйского уезда в конце 1918 г. Но это уже другая страница его истории.

Детальное восстановление хронологии событий в Валуйском уезде позволяет уточнить особенности становления Советской власти в Воронежской губернии. В отличие от промышленных центров, где Советы опирались на рабочий класс, в аграрном Валуйском уезде ключевую роль сыграли солдаты-фронтовики, которые распространили влияние Совета на массы. Исследование также показывает специфическую ситуацию консолидации революционных сил при идейной и организационной размытости местной большевистской организации. Деятельность Совета отличалась сочетанием революционного радикализма и прагматичной адаптации центральных директив к местным условиям. Особое значение имели: решение земельного вопроса с учётом интересов крестьянства, организация продовольственного снабжения через кооперативы, создание вооружённых отрядов. Основная часть этих задач шла в рамках общегубернских процессов и успешно решалась. Однако к весне 1918 г. нарастающие проблемы – хронический дефицит ресурсов, двойное давление со стороны немецких войск и "своих" красноармейских частей – привели к трансформации управления в сторону военно-чрезвычайных методов. Немецкая оккупация в мае 1918 г. прервала процесс советизации. Однако накопленный опыт "военизированного управления" и выделившиеся кадры позволили позднее восстановить советскую власть в уезде.

Исследование заполняет лакуну в региональной историографии, показывая, что даже короткий период деятельности Совета до оккупации имел значение для формирования местных моделей управления в условиях Гражданской войны и что даже в "типичном" аграрном уезде процесс советизации был не линейным, а зависел от местных условий. Это меняет представление о ранней Советской власти как о чисто "директивной" системе. Работа также вносит вклад в дискуссию о пределах эффективности ранних советских институтов, демонстрируя, как военно-политические кризисы перевешивали социально-экономические достижения.

Литература / References

1. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 475 с.
   The Struggle for Soviet Power in the Voronezh Province. 1917–1918. Voronezh: Kn. Publishing House, 1957. 475 p. (In Russ.)
2. Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий, 11 января – 5 марта 1918 г. / отв. ред. В. Д. Поликарпов. М.: Наука, 1986. 512 с.
   The Great October Socialist Revolution: Chronicle of Events, January 11 – March 5, 1918 / ed. V. D. Polikarpov. Moscow: Nauka, 1986. 512 p. (In Russ.)
3. *Вестник церковного единения.* 28 (15) марта 1918 г. № 21.
   Herald of Church Unity. March 28 (15), 1918. No. 21. (In Russ.)
4. *Воронежский телеграф*. 1917. № 245. 15 декабря 1918 г.
   Voronezh Telegraph. 1917. No. 245. December 15, 1918. (In Russ.)
5. Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Кн. изд-во, 1952.
   Voronkov I. G. Voronezh Bolsheviks in the Struggle for the Victory of the October Socialist Revolution. Voronezh: Kn. Publishing House, 1952. (In Russ.)
6. Герасименко Г. А. История земского самоуправления. Саратов: Поволж. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2003. 243 с.
   Gerasimenko G. A. History of Zemstvo Self-Government. Saratov: Volga Region Academy of State Service named after P. A. Stolypin, 2003. 243 p. (In Russ.)
7. Комаров А., Крошицкий П. Революционное движение. Хроника. 1918 г. (Губернии Воронежская и Тамбовская). Воронеж: Коммуна, 1930. Т. 1. 187 с.
   Komarov A., Kroshitsky P. Revolutionary Movement. Chronicle. 1918 (Voronezh and Tambov Provinces). Voronezh: Kommuna, 1930. Vol. 1. 187 p. (In Russ.)
8. На внутреннем фронте Гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний. М.: Русская книга, 2018. 798 с.
   On the Domestic Front of the Civil War. Collection of Documents and Memoirs. Moscow: Russian Book, 2018. 798 p. (In Russ.)
9. Осыков Б. И. Белгородский алфавит: краткий краеведческий справочник. Воронеж: Центр.-Черноозем. кн. изд-во, 1990. 208 с.
   Osykov B. I. Belgorod Alphabet: A Brief Local History Reference Book. Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1990. 208 p. (In Russ.)
10. Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. 649 с.
    Commemorative Book of the Voronezh Province for 1916. Voronezh, 1916. 649 p. (In Russ.)
11. Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах Воронежской губернии. *Известия Воронежского государственного педагогического института*. Т. XXXI. 1960. С. 28–51.
    Fefelov V. M. Establishment of Soviet Power in District Centers of Voronezh Province. *News of the Voronezh State Pedagogical Institute*. Vol. XXXI. 1960. P. 28–51. (In Russ.)

◆

Информация об авторе

Николай Алексеевич Заяц, канд. ист. наук, ассистент кафедры истории Московского авиационного института, Москва, Россия, e-mail: nikza91@yandex.ru

Information about the author

Nikolai A. Zayats, Candidate of Historical Sciences, Assistant, Department of History, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia, e-mail: nikza91@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2025 Одобрена после рецензирования 08.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026
Received 06.03.2025 Approved 08.08.2026 Accepted 25.08.2026